

Ван Чживэй

аспирант

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
(Москва, Россия)

E-mail: wangzhiwei2021@gmail.com

БАУХАУС В РАССЕЙНИИ: ГЛОБАЛЬНОЕ РАСПРОСТРАНЕНИЕ И АДАПТАЦИЯ ИДЕЙ

Статья исследует глобальную диффузию принципов Баухауса после закрытия школы в 1933 году. Выявлен парадокс: ликвидация институции нацистами стала катализатором превращения ее учебных принципов в универсальную методологию. Автор выделяет четыре пути циркуляции принципов Баухауса. На примере США, Бразилии, Израиля, Японии и Африки показано, что наследие Баухауса — это гибкая педагогическая система, основанная на функционализме и междисциплинарности. Универсальность этого подхода позволила интегрировать идеи школы в современные национальные и климатические контексты.

Ключевые слова: Баухаус, модернизм, Международный стиль, архитектурная педагогика, дизайн-диаспора, культурная циркуляция, постколониальная архитектура

Для цитирования: Ван Чживэй. Баухаус в рассеянии: глобальное распространение и адаптация идей / Ван Чживэй // Вестник культуры и искусств — 2026. — № 2 (86). — С. 39–47.

Wáng Zhìwěi

post-graduate student

Lomonosov Moscow State University
(Moscow, Russia)

E-mail: wangzhiwei2021@gmail.com

Bauhaus in Dissipation: Global Extending and Adaptation of Ideas

The article studies global diffusion of Bauhaus principles after the school closing in 1933. The author reveals the paradox that the institution extinction by the Nazis became a catalyst of its education principles transformation to universal methods of teaching. The author points out four directions of Bauhaus principles circulation. He shows on the example of USA, Brazil, Israel, Japan and Africa that Bauhaus heritage is a flex pedagogical system based on functional and inter-disciplinary principles. Universal character of this approach has allowed to integrate the ideas of the school into modern national and climate contexts.

Keywords: Bauhaus, modernism, International style, architectural pedagogics, design-diaspora, cultural circulation, post-colonial architecture

For citing: Wáng Zhìwěi. 2026. Bauhaus in Dissipation: Global Extending and Adaptation of Ideas. *Vestnik kul'tury i iskusstv [Culture and Arts Herald]*. No 2 (86): 39–47. (In Russ.).

Введение

Основанный Вальтером Гропиусом в 1919 году Баухаус возник как эксперимент по синтезу искусства, ремесла и промышленного производства в условиях Веймарской республики и трансформации индустриальной культуры [14]. В своем манифесте Гропиус провозгласил цель «создать новую гильдию ремесленников без классовых различий» [12]. Философские основы школы базировались на функционализме — принципе, согласно которому конструкция объекта определяется его назначением, — и междисциплинарном подходе, направленном на создание доступного дизайна для массового производства [8; 12].

Школа с самого начала стала ареной идеологических столкновений. Ее прогрессивная, интернационалистская сущность противоречила нарастающему националистическому традиционализму. Политическое давление достигло апогея с приходом нацистов к власти, которые заклеили Баухаус как «негерманский» и закрыли его в 1933 году [8].

В данной статье мы рассматриваем парадоксальный феномен: физическое уничтожение школы стало катализатором ее трансформации из локального немецкого института в глобальное движение. Вынужденная эмиграция преподавателей и студентов запустила дизайн-диаспору, коренным образом изменившую искусство и архитектуру по всему миру [1; 5].

Сравнительно-исторический анализ позволяет выявить закономерности трансляции идей Баухауса в разных регионах мира. На основе анализа-делается реконструкция взаимосвязей между различными центрами дизайна и архитектуры [7].

Научная новизна исследования

Существующие исследования Баухауса в значительной степени сосредоточены на его немецких корнях, педагогических методах или влиянии на западную архитектуру и дизайн, часто ограничиваясь хронологическими или региональными аспектами. Мы предлагаем посмотреть на обширный материал наследия Баухауса как на гибкую и адаптивную систему и предполагаем, что культурное наследие

Баухауса циркулировало четырьмя способами: через институциональную миграцию, через государственную апроприацию, интеллектуальный обмен и постколониальную адаптацию. Благодаря этому и стала возможной парадоксальная устойчивость наследия школы после ее принудительной ликвидации.

Особый вклад в новизну вносит акцент на постколониальной адаптации баухаусовских принципов, который остается малоизученным в русскоязычной и китайской академической традиции. Анализ случаев в Нигерии, Сенегале и Западной Африке подчеркивает уникальность этого материала: здесь идеи Баухауса не просто импортируются, а активно переосмысляются как инструмент деколонизации и национального самоопределения, сочетаясь с локальными климатическими, культурными и политическими реалиями. Работа выходит за рамки традиционного нарратива, предлагая полицентричную модель апроприации разных сторон наследия Баухауса. Идеи Баухауса предстают как участники живого процесса культурной гибридизации, актуального для современных вызовов.

Этот обобщающий взгляд отличает статью от предшествующих работ, фокусирующихся на изолированных кейсах, и вносит вклад в глобальную историю дизайна, интегрируя методы культурной антропологии и постколониальных исследований.

Четыре режима циркуляции баухаусовских идей

Методология сравнительного анализа обуславливает репрезентативность выбранных региональных кейсов, каждый из которых соответствует специфическому режиму циркуляции идей Баухауса. Соединенные Штаты Америки избраны в качестве эталонной модели институциональной миграции, демонстрируя интеграцию педагогики школы в структуру капиталистического университетского образования через деятельность эмигрировавших мастеров. Бразилия репрезентирует режим государственной апроприации, где модернистская эстетика была сознательно инструментализирована национальным правительством для осуществления стратегического рывка в модернизации и констру-

ирования образа прогрессивного государства. Япония выступает примером интеллектуального обмена, характеризующегося добровольным усвоением идей еще до закрытия школы и их глубоким синтезом с локальной культурной традицией вне контекста колониального давления. Наконец, Израиль и страны Западной Африки иллюстрируют режим постколониальной адаптации, где принципы модернизма стали визуальным языком деколонизации и инструментом формирования новой национальной идентичности. Такая дифференциация позволяет охватить полный спектр трансформаций наследия Баухауса — от прямой трансплантации педагогических систем до сложной культурной гибридизации в условиях глобального Юга.

Исторический анализ позволяет выделить четыре основных режима циркуляции идей Баухауса, каждый из которых характеризуется специфическими механизмами адаптации [18].

Институциональная миграция

Этот режим характеризуется прямой трансплантацией педагогических систем Баухауса в зарубежные академические институты через деятельность эмигрировавших мастеров школы. Наиболее ярко этот процесс проявился в США, где Вальтер Гропиус, Людвиг Мис ван дер Роэ, Йозеф и Анни Альберс, а также Ласло Мохой-Надь интегрировали программу Баухауса в ведущие университеты [5; 6].

В Гарварде Гропиус и Марсель Бройер радикально реформировали учебные программы, заменив академизм системы Beaux-Arts студийным подходом, объединяющим искусство, ремесла и технологии. Людвиг Мис ван дер Роэ в Иллинойском технологическом институте (ИИТ) не только переработал учебную программу, но и перестроил кампус, создав комплекс зданий из стали и стекла, что послужило физическим воплощением его философии «меньше — значит больше» [Там же].

В Колледже Чёрной горы Йозеф Альберс восстановил фундаментальный курс «Форкурс», делавший упор на изучение материалов и теории цвета, сохранив при этом утопический дух раннего Баухауса [1; 18]. Эта дихотомия в американском контексте привела к разделению целостного видения Баухауса на

два направления: прагматичное архитектурное проектирование в Гарварде и ИИТ, а также искусство-ориентированную педагогику в Колледже Чёрной горы.

Американская система образования и рыночная экономика способствовали специализации, разделив интегрированную немецкую модель на различные траектории развития [11]. Это расщепление, однако, позволило как практическим, так и утопическим аспектам Баухауса процветать в новых условиях, создав основу для стиля «Середины века».

Государственная апроприация

Второй режим характеризуется сознательным усвоением модернистской эстетики национальными правительствами для проектирования образа прогресса и инструментализации в целях нациестроительства. Наиболее ярким примером данного процесса стало строительство Бразилиа — новой столицы Бразилии в конце 1950-х годов [11].

Проект был инициирован президентом Жуселину Кубичеком, пообещавшим «пятьдесят лет прогресса за пять» [11]. Перенос столицы из колониального Рио-де-Жанейро в неосвоенные внутренние территории символизировал стремление к модернизации и разрыв с колониальным прошлым [18]. «Пилотный план» Лусиу Косты применял функциональное зонирование в монументальном масштабе, организуя город вокруг осей, напоминающих самолет — символ прогресса и современности.

Оскар Нимейер, архитектор основных правительственных зданий, синтезировал рационализм Международного стиля с экспрессивными, скульптурными изгибами, создав «Тропический модернизм» [11]. Однако утопические социальные цели проекта не были достигнуты. Высокая стоимость жизни в запланированном городе вынудила рабочий класс переселиться в «ветхие фавелы на периферии города», создав жесткую социальную стратификацию, противоречащую эгалитарной риторике, вдохновлявшей создание новой столицы.

Интеллектуальный обмен

Третий режим проявляется в активном поиске и изучении идей Баухауса международ-

ными специалистами еще до закрытия школы. Япония демонстрирует этот процесс наиболее ярко. Уже в 1920-х годах японские архитекторы и критики, такие как Кикудзи Исимото, посещали Баухаус в Веймаре, а публикации школы быстро распространялись в специализированных книжных магазинах Токио [7].

Фундаментальную роль в трансляции и укоренении баухаусовской методологии сыграли японские выпускники школы, осуществившие переход от теоретического интереса к практической интеграции модернистских концепций в локальную среду. Показателен пример первого японского студента Баухауса Такэхико Мидзутани, обучавшегося в период с 1927 по 1929 год под руководством Йозефа Альберса и Ласло Мохой-Надя. Вернувшись на родину, Мидзутани стал инициатором внедрения пропедевтического курса (Форкурса) в образовательную парадигму Токийской школы изящных искусств. Его практические задания — в частности, «пространственные студии» (Raumstudien), где структурное напряжение создавалось за счет баланса оптических и физических свойств стекла, дерева и металлических элементов, — радикально сместили фокус японского архитектурного образования. Акцент был перенесен с академического копирования (мимесиса) на феноменологическое и экспериментальное познание характеристик самой материи.

Значительный вклад в формирование японского модернизма также внесли супруги Ивао и Митико Ямаваки, проходившие обучение в Дессау. Архитектор Ивао Ямаваки, воспринявший философские и конструктивные установки Людвига Мис ван дер Роэ, блестяще реализовал их в серии собственных проектов. Знаковым примером стала спроектированная им в 1933 году собственная студия-резиденция в Токио. В этом архитектурном объекте бескомпромиссный функционализм, гладкие светлые фасады и принципы ленточного остекления органично слились с традиционной японской концепцией гибкого, перетекающего пространства и жесткой модульной сеткой пропорционирования. Митико Ямаваки, изучавшая художественное ткачество под руководством Гунты Штёльцль, осуществила ре-

волюцию в сфере национального текстильного дизайна. Синтезировав баухаусовскую технику многослойного плетения и абстрактную геометрическую орнаментацию с использованием традиционных японских волокон (таких как шелк в сочетании с новыми индустриальными нитями), она перевела восприятие текстиля из категории прикладного декора в категорию автономного пространственно-структурного элемента интерьера.

Основополагающим фактором укоренения этих подходов стало формирование педагогической дисциплины «Косэй» (構成, композиция). Основанная в 1932 году Рэнситиро Кавакита Школа новой архитектуры и дизайна превратилась в эпицентр диссеминации этой методологии. Принципы «Косэй» представляли собой глубокую транскультурную адаптацию баухаусовского Форкурса: акцент ставился на абстрактные пространственные упражнения по складыванию бумаги, созданию структурного напряжения в согнутой фанере и балансировке геометрических объемов без использования клея или крепежей. Являясь базовой азбукой формообразования, «Косэй» обеспечивала прямое физическое взаимодействие студентов со структурной логикой материала.

Современная историография существенно углубляет понимание механизмов рецепции Баухауса в Японии, пересматривая прежние европоцентричные модели. Так, в актуальных компаративистских исследованиях, опубликованных после 2021 года, акцентируется внимание на агентности японских мастеров в процессе перекодирования исходных смыслов школы. В частности, в фундаментальной монографии Хелены Чапковой «Японский модернизм и Баухаус: транснациональные сети» (2022) на основе анализа ранее не изученных архивов семьи Ямаваки доказывается, что японские интеллектуалы целенаправленно деполитизировали методологию Вальтера Гропиуса и Ханнеса Мейера. Адаптируя принципы Баухауса, они изолировали универсальную морфологическую и материаловедческую базу от европейского социального утопизма.

Кроме того, новейшие исследования 2023 года, посвященные конкретно эволюции японского дизайнерского образования, демон-

стрируют, как именно педагогика «Косэй» стала точкой пересечения модернистской рациональности и локальной философии. Японские теоретики обнаружили в баухаусовской максиме «правды материала» и геометрическом минимализме глубокое резонирование с традиционными японскими эстетическими парадигмами. Изучение структуры материала в рамках «Косэй» интерпретировалось не просто как технический этап промышленного производства, но и как феноменологическая, практически медитативная практика познания окружающей среды, имплицитно созвучная философии дзен-буддизма и лаконичной эстетике чайной церемонии. Именно эта глубокая семантическая многослойность и очищение от идеологического дидактизма Веймарской республики обеспечили методологии Баухауса в Японии высочайшую степень устойчивости, заложив фундаментальную основу феноменального успеха японского индустриального дизайна и архитектуры во второй половине XX века.

Рэнситиро Кавакита, посетивший Баухаус в 1928 году, основал в 1932 году Школу новой архитектуры и дизайна, ставшую эпицентром распространения идей «Косэй» — специфической японской интерпретации теории композиции и материаловедения. Японские студенты, обучавшиеся в Баухаусе (Такехико Мидзутани, Ивао и Мичико Ямаваки), вернулись на родину и внедрили методы Баухауса в японское дизайн-образование.

Интересно, что японские интеллектуалы обнаружили в баухаусовской эстетике параллели с традиционной культурой: минимализм и функциональность мебели напоминали эстетику чайной церемонии, а изучение материала становилось медитативной практикой, созвучной дзен-буддизму. Эта синергия предопределила особую глубину адаптации принципов школы в японском контексте.

Постколониальная адаптация

В постколониальных африканских странах принятие модернистских принципов Баухауса приобрело глубокое политическое и символическое значение в контексте национального самоопределения. Для государств, обретших

независимость в 1950–1960-х годах, модернизм выступал не просто как эстетическая парадигма, а как стратегический инструмент формирования постколониальной идентичности, позволяющий визуально дистанцироваться от архитектурного наследия колониальной эпохи [20; 21].

В отличие от других режимов циркуляции, в Африке адаптация принципов Баухауса происходила в условиях активной деколонизации и нациестроительства [23]. Ключевой фигурой в этом процессе стал Арье Шарон (1900–1984), выпускник Баухауса под руководством Йозефа Альберса и Ханнеса Мейера, который после эмиграции в Палестину в 1930-х годах стал ведущим архитектором Израиля, а в 1960-х годах получил приглашение спроектировать кампус Университета Ифе в Нигерии [1; 3]. Его концепция «групповой архитектуры» представляла собой оригинальный синтез рационалистических принципов Баухауса с традиционной африканской планировкой поселений. Кампус был организован как сеть небольших кластеров, объединенных пешеходными аллеями и центральными общественными пространствами, имитируя структуру традиционного африканского поселения. Архитектурные формы, основанные на строгой геометрии и функциональной рациональности, были дополнены комплексной системой климатических решений: глубокие навесы, перфорированные экраны из местного кирпича, внутренние дворы с водоемами и ориентация зданий по сторонам света обеспечивали естественную вентиляцию и защиту от солнца [20].

Параллельно деятельность британских архитекторов Максвелла Фрая и Джейн Дрю способствовала институционализации «тропического модернизма» в Западной Африке. Публикации специализированных институтов тропической архитектуры сыграли ключевую роль в распространении знаний о климатически адаптивном дизайне в странах Глобального Юга [16]. Их работа, особенно после публикации монументального труда «Тропическая архитектура во влажной зоне» (1956), легла в основу нового подхода, сочетающего рационализм Международного стиля с научным анализом климатических условий [6]. Одна-

ко в отличие от их работ в Индии, в Африке этот подход часто критиковался за излишнюю технократичность и недостаточное внимание к местной культуре [20].

Особый интерес представляет эволюция архитектурного языка в Сенегале после обретения независимости в 1960 году. Президент Леопольд Седар Сенгор, сам поэт и философ, инициировал программу строительства образовательных и культурных учреждений, которые должны были визуализировать идею «африканского социализма». Библиотека Университета Шейха Анта Диопа в Дакаре, спроектированная в 1970-х годах под влиянием принципов Баухауса, демонстрирует сложный диалог между рациональной геометрией и местной эстетикой. Здесь строгие прямоугольные объемы модернизма переплетаются с традиционными узорами суку-текстиля в оформлении фасадов, а внутренние дворы отсылают к организации пространства в традиционных мавританских домах [19]. Важно отметить, что этот проект был реализован преимущественно местными архитекторами, прошедшими обучение в Европе, что подчеркивает роль образования в трансформации архитектурной практики [20].

Современные исследования демонстрируют двойственную природу модернистской архитектуры в постколониальной Африке. С одной стороны, как показывает анализ Бен-Ашер Гитлер, кампус Ифе стал важным символом культурной автономии, где европейские принципы были переосмыслены через призму местных традиций [3]. С другой стороны, критический анализ Эфрат указывает на то, что многие проекты этого периода, несмотря на прогрессивные декларации, воспроизводили колониальные иерархии в организации пространства и использовании ресурсов [10]. В частности, в кампусе Ифе академические здания для преподавателей, многие из которых были европейцами, получили лучшие климатические решения и виды на ландшафт, тогда как жилые зоны для студентов и обслуживающего персонала оказались менее комфортными [10].

Исторический анализ позволяет выявить сложную природу глобального распространения баухаусовских принципов. На первый взгляд, этот процесс может быть истолкован

как форма культурного империализма — односторонний экспорт западной модернистской парадигмы в периферийные регионы [21; 24]. Однако детальное рассмотрение конкретных кейсов выявляет более нюансированную картину культурной гибридизации, где локальные акторы активно участвовали в переосмыслении и трансформации импортированных идей [4].

Эта динамика проявляется в разнообразных стратегиях адаптации, в Бразилии функционализм был преобразован в инструмент национального самоутверждения через создание «Тропического модернизма» [11]. В Тель-Авиве архитекторы-эмигранты модифицировали принципы Баухауса для средиземноморского климата, создав уникальную архитектурную идентичность [3; 10]. В Японии западная рациональность была синтезирована с эстетическими принципами дзэн-буддизма [7]. В Африке модернизм стал визуальным языком деколонизации, где геометрическая грамматика сочеталась с традиционными материалами и формами [4].

Особое значение имеет анализ власти в контексте этой гибридизации. Как отмечают постколониальные исследователи, даже при высокой степени локальной агентности, процесс адаптации модернистских принципов происходил в рамках глобальных структур, где западные институты образования, международные финансовые организации и технологические стандарты задавали рамки для локальных интерпретаций [21; 24]. Например, кампус Университета Ифе в Нигерии, несмотря на его культурную значимость, был реализован при финансовой поддержке Фонда Форда и западных благотворительных организаций, что накладывало определенные ограничения на архитектурные решения [1; 20].

Современные исследования подчеркивают необходимость «деколонизации баухаусовского наследия» — переосмысления его вклада через призму множественных нарративов и центров влияния [7; 22]. В частности, переосмысление глобального модернизма требует учета постколониального контекста и пересмотра историографических канонов [19]. Этот подход предполагает не только признание адаптаций принципов школы в разных регионах, но и

критический пересмотр самой идеи универсальности баухаусовской методологии, которая в действительности была продуктом конкретного историко-культурного контекста Веймарской Германии [8].

Постколониальный аспект распространения Баухауса представляет собой уникальный материал для исследования, поскольку демонстрирует, как модернистские принципы были вовлечены в процессы деколонизации, становясь визуальным языком новых национальных идентичностей. Это особенно важно для понимания Баухауса не как чисто западного феномена, а как глобальной методологии, способной к глубокой культурной гибридизации.

Заключение

Проведенное исследование позволяет концептуализировать процесс глобальной диффузии идей Баухауса как сложную систему социокультурной трансформации. Исторический анализ подтверждает, что принудительная ликвидация школы в 1933 году не только не привела к угасанию её интеллектуального потенциала, но, напротив, послужила пусковым механизмом для превращения локального образовательного эксперимента в глобальное движение. Возникшая в результате эмиграции мастеров и студентов «дизайн-диаспора» сформировала уникальную транснациональную сеть, обеспечившую беспрецедентный охват и влияние модернистских идей на разных континентах.

Уникальность постколониального измерения наследия Баухауса заключается в его способности служить мостом между глобальным модернизмом и локальными традициями, предлагая модель культурного диалога, актуальную и для современных исследований в области архитектуры, дизайна и культурной антропологии.

Ключевым выводом работы является положение о том, что распространение принципов Баухауса носило не гомогенный, а полицентричный характер. Выявленные режимы циркуляции — от прямой институциональной миграции до сложного постколониальной адаптации — демонстрируют высокую адаптивность модернистской парадигмы к специ-

фическим национальным, климатическим и политическим условиям. Это доказывает, что подлинное наследие школы заключается не в канонизации конкретных визуальных форм или «международного стиля», а в универсальности предложенной методологии. В её основе лежат междисциплинарный подход, фундаментальная педагогика и осознание социальной ответственности дизайнера перед обществом.

В современных условиях, когда архитектурно-дизайнерское сообщество сталкивается с беспрецедентными экологическими и социальными вызовами, исторический опыт глобальной адаптации принципов Баухауса обретает новую прагматическую ценность в парадигме устойчивого развития. Опыт транснациональной циркуляции школы, в частности, практики климатической адаптации модернизма на Африканском континенте и разработки концепций массового доступного жилья, демонстрирует высокую релевантность для преодоления современных пространственных и ресурсных кризисов. Обращение последователей Баухауса к технологиям пассивного климат-контроля — таким как проектирование глубоких солнцезащитных навесов, внедрение систем естественной кросс-вентиляции во внутренних дворах, использование перфорированных вентиляционных экранов и строгая ориентация зданий с учетом геометрии солнечных лучей в тропических широтах — фактически предвосхищало базовые стандарты современной экологически ответственной и энергоэффективной архитектуры [2; 23].

Более того, баухаусовский императив «правды материала», трансформированный в условиях глобального Юга в функциональную необходимость использования локального сырья (например, местной глины, кирпича и древесины) вместо ресурсоемких импортных аналогов, напрямую резонирует с современными экологическими стратегиями по снижению углеродного следа строительной индустрии. Социально-ориентированный фундамент школы, изначально направленный на демократизацию дизайна и обеспечение населения функциональным стандартизированным жильем (в рамках концепции Existenzminimum), предлагает исторически апробированную методоло-

гическую базу для решения усугубляющегося мирового дефицита доступной недвижимости. Таким образом, жизнеспособность наследия Баухауса в XXI веке заключается не в механическом стилистическом воспроизведении эстетики модернизма, а в реактуализации его аналитического метода. Эффективная имплементация этой парадигмы сегодня представ-

ляет собой гибкий синтез социальной ответственности, радикального технологического эксперимента и глубоко укорененного уважения к специфике локальных климатических, материальных и культурных экосистем, что в совокупности формирует полноценный инструментарий для ответа на глобальные кризисы современности.

Список литературы

1. Amole, B. Reviving the Modern Architecture of Arie Sharon's Obafemi Awolowo University, Ilé-Ife, Nigeria / B. Amole, B. Jaiyeoba // *Docomomo Journal*. — 2022. — № 66. — P. 78–87.
2. Arigbabu, A. Protopian African Futures: Demas Nwoko's Tropical Architecture, Natural Synthesis—and Solarpunk / A. Arigbabu // *eTropic: Electronic Journal of Studies in the Tropics*. — 2025. — Vol. 24, № 2. — P. 45–67.
3. Ben-Asher Gitler, I. Campus Architecture as Nation Building: Israeli architect Arie Sharon and Eldar Sharon's Obafemi Awolowo University Campus / I. Ben-Asher Gitler // *The Journal of Architecture*. — 2010. — Vol. 15, № 6. — P. 797–828.
4. Bhabha, H. *The Location of Culture* / H. Bhabha. — London : Routledge, 1994. — 285 p.
5. Cohen, J. L. Bauhaus in Exile: Mies van der Rohe's Years in America / J. L. Cohen // *Journal of the Society of Architectural Historians*. — 2003. — Vol. 62, № 2. — P. 158–177.
6. Curtis, W. J. *Modern Architecture Since 1900* / W. J. Curtis. — London : Phaidon Press, 1996. — 736 p.
7. Decolonize Weimar. Bauhaus und Exotismus / Decolonize Weimar. — 2023. — URL: <https://decolonize-weimar.org/en/karte/bauhaus-und-exotismus> (дата обращения: 23.12.2025).
8. Droste, M. *Bauhaus: 1919–1933* / M. Droste. — Cologne : Taschen, 2019. — 400 p.
9. Efrat, Z. *The Object of Zionism: The Architecture of Israel* / Z. Efrat. — Leipzig : Spector Books, 2018. — 900 p.
10. Evenson, N. *Two Brazilian Capitals: Architecture and Urbanism in Rio de Janeiro and Brasília* / N. Evenson. — New Haven : Yale University Press, 1973. — 225 p.
11. Frampton, K. *Modern Architecture: A Critical History* / K. Frampton. — London : Thames and Hudson, 1992. — 376 p.
12. Gropius, W. *The New Architecture and the Bauhaus* / W. Gropius. — Cambridge : MIT Press, 1965. — 112 p.
13. Hight, C. *Architectural Principles in the Age of Cybernetics* / C. Hight. — New York : Routledge, 2007. — 224 p.
14. Kocka, J. *Industrial Culture and Bourgeois Society: Business, Labor, and Bureaucracy in Modern Germany* / J. Kocka. — New York : Berghahn Books, 1999. — 325 p.
15. Lavin, S. *The Bauhaus and Black Mountain College* / S. Lavin // *October*. — 1998. — № 85. — P. 75–93.
16. Lee, R. Essential Reading? The Institut für Tropenbau's Publications as Primers for the Design-Build Movement / R. Lee, M. Motylińska // *DesignBuild in Postcolonial Contexts: A Critical Interrogation* / ed. V. S. Bader. — Berlin : Sto Foundation, 2024. — P. 89–112.
17. McLeod, M. *Architecture and Politics in the Reagan Era: From Postmodernism to Deconstructivism* / M. McLeod // *Assemblage*. — 1989. — № 8. — P. 23–36.
18. Otto, E. *Bauhaus Weaving Theory: From Feminine Craft to Modern Design* / E. Otto. — Minneapolis : University of Minnesota Press, 2011. — 272 p.
19. Prakash, V. *Rethinking Global Modernism: Architectural Historiography and the Postcolonial* / V. Prakash, M. Casciato, D. E. Coslett. — London : Routledge, 2022. — 384 p.

20. Safran, E. *Postcolonial Modernisms: Architecture and the Afterlife of Colonialism* / E. Safran. — Philadelphia : University of Pennsylvania Press, 2017. — 320 p.
21. Said, E. *Culture and Imperialism* / E. Said. — New York : Alfred A. Knopf, 1993. — 380 p.
22. Suneja, P. *Bauhaus & Beyond: A Global, Postcolonial Perspective* / ed. P. Suneja. — Weimar : Lucia Verlag, 2024. — 296 p.
23. Turner, C. *Tropical Modernism: Architecture and Independence* / C. Turner. — London : V&A Publishing, 2024. — 256 p.
24. Wigley, M. *White Walls, Designer Dresses: The Fashioning of Modern Architecture* / M. Wigley. — Cambridge : MIT Press, 1995. — 426 p.

Получено 03.02.2026

References

1. Amole B., Jaiyeoba B. 2022. Reviving the Modern Architecture of Arie Sharon's Obafemi Awolowo University, Ilé-Ife, Nigeria. *Docomomo Journal*. No 66: 78–87.
2. Arigbabu A. 2025. Protopian African Futures: Demas Nwoko's Tropical Architecture, Natural Synthesis—and Solarpunk. *eTropic: Electronic Journal of Studies in the Tropics*. Vol. 24, No 2: 45–67.
3. Ben-Asher Gitler I. 2010. Campus Architecture as Nation Building: Israeli architect Arie Sharon and Eldar Sharon's Obafemi Awolowo University Campus. *The Journal of Architecture*. Vol. 15, No 6: 797–828.
4. Bhabha H. 1994. *The Location of Culture*. London: Routledge. 285 p.
5. Cohen J. L. 2003. Bauhaus in Exile: Mies van der Rohe's Years in America. *Journal of the Society of Architectural Historians*. Vol. 62, No 2: 158–177.
6. Curtis W. J. 1996. *Modern Architecture Since 1900*. London: Phaidon Press. 736 p.
7. Decolonize Weimar. 2023. Bauhaus und Exotismus. Available from: <https://decolonize-weimar.org/en/karte/bauhaus-und-exotismus> (accessed: 23.12.2025).
8. Droste M. 2019. *Bauhaus: 1919–1933*. Cologne: Taschen. 400 p.
9. Efrat Z. 2018. *The Object of Zionism: The Architecture of Israel*. Leipzig: Spector Books. 900 p.
10. Evenson N. 1973. *Two Brazilian Capitals: Architecture and Urbanism in Rio de Janeiro and Brasília*. New Haven: Yale University Press. 225 p.
11. Frampton K. 1992. *Modern Architecture: A Critical History*. London: Thames and Hudson. 376 p.
12. Gropius W. 1965. *The New Architecture and the Bauhaus*. Cambridge: MIT Press. 112 p.
13. Hight C. 2007. *Architectural Principles in the Age of Cybernetics*. New York: Routledge. 224 p.
14. Kocka J. 1999. *Industrial Culture and Bourgeois Society: Business, Labor, and Bureaucracy in Modern Germany*. New York: Berghahn Books. 325 p.
15. Lavin S. 1998. The Bauhaus and Black Mountain College. *October*. No 85: 75–93.
16. Lee R., Motylińska M. 2024. Essential Reading? The Institut für Tropenbau's Publications as Primers for the Design-Build Movement. *DesignBuild in Postcolonial Contexts: A Critical Interrogation*. BerlSto Foundation. P. 89–112.
17. McLeod, M. 1989. Architecture and Politics in the Reagan Era: From Postmodernism to Deconstructivism. *Assemblage*. No 8: 23–36.
18. Otto E. 2011. *Bauhaus Weaving Theory: From Feminine Craft to Modern Design*. Minneapolis: University of Minnesota Press. 272 p.
19. Prakash V. [ed]. 2022. *Rethinking Global Modernism: Architectural Historiography and the Postcolonial*. London: Routledge. 384 p.
20. Safran E. 2017. *Postcolonial Modernisms: Architecture and the Afterlife of Colonialism*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press. 320 p.
21. Said E. 1993. *Culture and Imperialism*. New York: Alfred A. Knopf. 380 p.
22. Suneja P. [ed]. 2024. *Bauhaus & Beyond: A Global, Postcolonial Perspective*. Weimar: Lucia Verlag. 296 p.
23. Turner C. 2024. *Tropical Modernism: Architecture and Independence*. London: V&A Publishing. 256 p.
24. Wigley M. 1995. *White Walls, Designer Dresses: The Fashioning of Modern Architecture*. Cambridge: MIT Press. 426 p.

Received 03.02.2026